

греческаго: 1) итацизмъ, 2) новогреческій способъ слиянія гласныхъ (αο въ α, αη въ α), 3) измѣненіе ντ, μτ, γτ въ *nd, mb, ng*, 4) χτ въ χτ, πτ въ φτ, 5) σχ (σθ) въ σх (στ), 6) исчезновеніе носоваго передъ спирантомъ, 7) измѣненіе λ въ ρ передъ согласнымъ, 8) смѣшеніе 1-го и 3-го склоненій, 9) развитіе парадигмы *ἄς*, 10) исчезновеніе дательнаго пад., 11) медиальное спряженіе *v. substant.*, 12) устраненіе глаг. на -μι, 13) урваненіе окончаній *impf.* и сильныхъ, а также сигматическихъ аористовъ, 14) начинающееся разложеніе основъ *praesentis* подъ вліяніемъ основъ аориста, 15) потеря желательнаго.

Мы считали полезнымъ въ этомъ журналѣ дать подробное изложеніе книги Thumb'a въ виду того огромнаго значенія, которое имѣетъ научная постановка вопроса о *κοινή* для византійской литературы, въ особенности въ дѣлѣ изданія новыхъ памятниковъ греческаго языка византійской эпохи, въ частности тѣхъ изъ нихъ, гдѣ вульгарный, разговорный языкъ сохраняется болѣе нетронутымъ литературными вліяніями.

С. Шестаковъ.

Karl Krumbacher (a. o. Professor an der Universität München). *Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende der oströmischen Reichs* (527—1453). Zweite Auflage bearbeitet unter Mitwirkung von **A. Ehrhard** (o. ö. Professor an der Universität Würzburg), **H. Gelzer** (o. ö. Professor an der Universität Jena). München, C. H. Beck. 1897. XX + 1193 стр. 8°.

Κ. Κρούμβραχερ. *Ἱστορία τῆς βυζαντινῆς λογοτεχνίας μεταφρασθεῖσα ὑπὸ Γεωργίου Σωτηριάδου*. Τόμος Α'. γ' + 828 σελ. Τόμος Β'. 770 σελ. Τόμος Γ'. 832 σελ. Ἐν Ἀθήναις, Κ. Μπέκ. 1897—1901. 8°. (Βιβλιοθήκη Μαρσαλῆ. Τεύχη 11, 37, 42, 75, 107, 108, 109, 114, 115, 120, 121, 143, 144).

Чтобы показать, какое огромное научное значеніе имѣло *первое*, вышедшее въ 1891 году изданіе книги, второе изданіе и греческій переводъ которой лежатъ теперь передъ нами, достаточно, мы думаемъ, привести слѣдующій мелкій, но характерный фактъ. Зимой 1889 г. въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Одессы одинъ начинающій византинистъ, занимавшійся до тѣхъ поръ исторіей западной и отчасти русской литературы и прочитавшій въ послѣдніе два-три года, въ обществѣ съ двумя византинистами, уже опытнымъ и извѣстнымъ (однимъ историкомъ и однимъ археологомъ), нѣсколько памятниковъ византійской историографіи, а на свой, такъ сказать, страхъ — Метафраста и еще кое что по византійской литературѣ. Въ Обществѣ Любителей древнерусской Письменности онъ сдѣлалъ докладъ подъ заглавіемъ: «Откуда взять матеріалы для исторіи византійской литературы?» и потомъ напечаталъ его въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія (въ майской книжкѣ). Все содержаніе этой небольшой статьи составляли приведенныя въ систему и болѣе или

менѣе обставленные двадцать-тридцать выписокъ изъ историковъ и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ, свидѣтельствующія о такихъ нынѣ общеизвѣстныхъ вещахъ, какъ существованіи у византійцевъ народной довольно богатой эпико-лирической поэзіи, объ ихъ склонности къ шуткѣ и веселью, о свободномъ творествѣ гимнографовъ и пр. Черезъ нѣкоторое время авторъ былъ очень пріятно удивленъ, получивъ письмо отъ глубоко имъ уважаемаго профессора Петербургскаго университета нынѣ покойнаго Г. С. Дестуниса (издателя пѣсни объ Армурѣ и мн. др. важныхъ памятниковъ), въ которомъ тотъ спрашивалъ разрѣшенія перевести его статейку на греческій языкъ и напечатать въ журналѣ *Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος*. Разрѣшеніе, конечно, дано съ радостію, статейка была переведена и послана, но почему то оставалась ненапечатанной до августа 1891 г. ¹⁾, когда уже появилась на свѣтъ книга Крумбахера, и статейка *потеряла всякое значеніе*, такъ какъ даже до нельзя деликатный греческій редакторъ долженъ былъ замѣтить, что блестящій (*λαμπρά*) трудъ нѣмецкаго ученаго «во многомъ расширяетъ предѣлы» предмета ²⁾. Еще бы! Настолько расширяетъ, что автору совѣстно было смотрѣть и на оригиналь, а тѣмъ болѣе на переводъ своего «труда», украшеннаго къ тому же такимъ широкошпательнымъ заглавіемъ. Впечатлѣніе получается въ родѣ того, какъ еслибы кто-нибудь, изучивъ Исторію Россіи Соловьева, вздумалъ послѣ этого читать краткаго Устрялова.

Уже первое изданіе книги Крумбахера внесло новую жизнь въ старую науку греческой филологіи (масса молодыхъ людей съ классическимъ образованіемъ, до тѣхъ поръ съ большимъ трудомъ находившихъ темы для работъ въ этой довольно таки избитой области, теперь легко находятъ ихъ сотнями, если не тысячами въ крупномъ и мелкомъ шрифтѣ «Исторіи византійской литературы») и *создало новую науку* огромной важности не только для всей славянской и восточной Европы, получившей свѣтъ вѣры и начало цивилизаціи отъ Царьграда, но и для Европы западной и вообще для пониманія задачъ исторіи духовной культуры. О древнерусской словесности и говорить нечего: съ 1891 г. положительно нельзя шагу сдѣлать почти ни по одному болѣе или менѣе широкому ея вопросу, не заглянувъ въ Крумбахера, хотя въ этомъ первомъ изданіи онъ и выдѣлялъ очень рѣшительно изъ области литературы все богословское, чтò, какъ извѣстно, составляетъ девять десятыхъ содержанія нашей допетровской письменности. Понятно, почему уже во второй половинѣ 1891 г. у насъ заговорили о необходимости перевода этой книги на русскій, заговорили, поговорили и ничего не сдѣлали; но теперь оказывается, что на этотъ разъ русская лѣнь и нерѣшительность оказали намъ нѣкоторую услугу: черезъ 6 лѣтъ явилось *второе* изданіе оригинала, несравненно болѣе полное, какъ это наглядно показываетъ и самое

1) Она напечатана въ 11-мъ выпускѣ 3-го тома Делтіона, стр. 536—546.

2) *Ἐν πολλοῖς πληροῖ τοῦς ὄρους* и пр., стр. 537.

число страницъ: ихъ 494 въ 1-мъ изданіи и 1193 во 2-мъ. А болѣе насъ энергичные греки оказались въ убыткѣ: какъ мы узнаемъ изъ предисловія Георгія Сотиріадиса, его учитель Іоаннъ Пантазидисъ началъ переводить первое изданіе и уже довольно далеко ушелъ въ своей работѣ¹⁾, когда появилось второе, которое заставило его бросить все имъ сдѣланное. Явится ли теперь русскій переводъ, неизвѣстно (вѣроятно, что и нынѣ дѣло ограничится однимъ разговоромъ и мы дождемся 3-го и 4-го изданія); но во всякомъ случаѣ потеряннаго труда за нами не числится.

Чѣмъ и почему счелъ полезнымъ проф. Крумбахеръ пополнить свою прекрасную книгу, передадимъ по возможности его же словами. «Когда неожиданно скоро отъ меня потребовали, пишетъ онъ, переработки этой книги (для новаго изданія)²⁾, мнѣ уже было ясно, что здѣсь нельзя удовольствоваться отдѣльными исправленіями и добавленіями. Благосклонный пріемъ, оказанный моей работѣ несмотря на ея недостатки, обязывалъ меня улучшить и пополнить ее, такъ сказать, *насквозь* (*durchgreifend*), почему я и поставилъ себѣ задачею сдѣлать свою книгу по возможности вполне пригоднымъ рабочимъ орудіемъ, надежнымъ путеводителемъ по страшному для новичка первобытному лѣсу (*Urwald*) византійской словесности».

«Всего мучительнѣе (*am reinlichsten*) въ 1-мъ изданіи чувствовалось почти полное отсутствіе богословской литературы, и прежде всего предстояло озаботиться исправленіемъ этого недостатка». Авторъ усердно принялся за работу въ этомъ направленіи, но, какъ не богословъ по специальности, встрѣтился съ весьма серьезными затрудненіями (по догматикѣ), а главное—редакція журнала: *Vuz. Zeitschrift* и веденіе библиографическаго его отдѣла поглощало все его время. Тогда онъ обратился къ Альберту Эргарду (*Ehrhard*), профессору исторіи церкви въ Вюрцбургѣ, который въ опредѣленное время и на опредѣленномъ пространствѣ 180 страницъ (что, конечно, порядочно стѣснило его) и изложилъ исторію богословской литературы въ Византіи (стр. 37—218). Пригласивъ одного отвѣтственнаго сотрудника, авторъ не остановился и передъ другимъ: по его просьбѣ, г. Гельцеръ (*Gelzer*), профессоръ исторіи въ Іенѣ, составилъ краткій, но стоящій на современномъ научномъ уровнѣ очеркъ исторіи Византіи, занявшій 156 страницъ (911—1067). Итакъ 337 стр. внесли самостоятельно дѣйствовавшіе сотрудники: еще больше того (362 стр.) добавилъ самъ составитель. Добавленія и исправленія, имъ сдѣланныя, носятъ довольно разнообразный характеръ. Во-первыхъ значительная часть ихъ оказывается работою по сырому матеріалу, т. е. по рукописямъ, *болѣе тысячи* которыхъ пересмотрѣлъ и экскерпировалъ

1) *Εἶχε δὲ προχωρήσει ἰκανῶς.*

2) 1-е изданіе было выпущено въ томъ же количествѣ экземпляровъ, въ какомъ и остальные компендіумы Ивана Мюллера, т. е., если не ошибаемся, въ количествѣ 3000 экз. и въ 1891 г. самъ Крумбахеръ былъ увѣренъ, что ихъ хватитъ по крайней мѣрѣ на 10 лѣтъ.

К. Крумбахеръ во время своихъ двухъ ученыхъ путешествій¹⁾. Во вторыхъ, авторъ воспользовался всѣми, по возможности, большими и малыми, печатными трудами своихъ предшественниковъ, одна часть которыхъ — весьма впрочемъ незначительная — не попала ему въ руки при работѣ надъ 1-мъ изданіемъ, а другая, гораздо бѣльшая, явилась на свѣтъ въ послѣднія 7 лѣтъ, стало быть, подъ вліяніемъ того же энергичнаго византиниста.

Благодаря этимъ дополнительнымъ работамъ, въ настоящемъ изданіи явились слѣдующіе новые отдѣлы: въ первомъ отдѣленіи — глава о наукахъ въ Византіи (Fachwissenschaften 605 — 639): правовѣденіе, медицина, математика и астрономія, естествовѣдѣніе (зоологія, ботаника, минералогія, алхимія), военныя науки; въ третьемъ отдѣленіи: жизнь Эзона, пословицы (903—909), парафразы и переводы, и, наконецъ, не обширная по количеству страницъ (1068—1145), но страшно много труда и даже издержекъ²⁾ стоившая автору *общая библиографія* (Realbibliographie, какъ онъ называетъ ее въ предисловіи стр. XIII), раздѣляющаяся на 17 отдѣловъ (политическая исторія, внутренняя исторія, исторія церкви, хронологія, международныя культурныя отношенія, этнографія, географія, топографія, исторія искусства, нумизматика, сигиллографія, эпиграфика, языкъ, фольклоръ, исторія византійской филологіи, Византія въ belletristikѣ, журналы и библиографическія пособія). Эта неблестящая на видъ часть работы проф. Крумбахера — истинное благодѣяніе съ его стороны для всѣхъ настоящихъ и будущихъ византинистовъ, великихъ и малыхъ.

Чтобы показать, насколько и въ какомъ направленіи пополнены въ настоящемъ изданіи параграфы, наименѣе затронутые, т. е. такіе, по которымъ въ промежуточные годы не явилось ни новыхъ матеріаловъ, ни серьезныхъ работъ, беремъ *на обумъ* § 95 I отдѣла по 1-му изд. (во 2-мъ изд. § 198), заключавшій въ себѣ ровнехонько одну страницу (193—4) и сообщавшій краткія, но существенныя свѣдѣнія о весьма интересномъ по содержанію византійскомъ путешествіи по загробной жизни, извѣстномъ подъ заглавіемъ: *Τιμαρίων ἡ περὶ τῶν κατ' αὐτὸν πηδημάτων*. Страница 1-го изданія превратилась здѣсь почти въ 2 стр.; отчасти это произошло отъ того, что авторъ вполне умѣстно перенесъ примѣчанія 1-го изданія въ текстъ 2-го, отчасти же отъ слѣдующей прибавки (стр. 468), «интересно современное»³⁾ сужденіе о Тимаріонѣ, исходящее отъ писателя

1) Одно изъ нихъ имѣло цѣлю обзорѣніе русскихъ книгохранилищъ, и всѣ мы хорошо помнимъ, какъ неутомимый исследователь работалъ, напр., въ Москвѣ, почти изнемогая отъ острой болѣзни, причемъ онъ ухитрился сохранять всю свою бодрость духа и даже жизнерадостность.

2) Эти издержки (корреспонденція и пересылка книгъ), какъ замѣчаетъ авторъ, не могли быть безграничны для экстраординарнаго профессора, не благословеннаго дарами фортуны (XIII).

3) На самомъ дѣлѣ не совсѣмъ современное, а лѣтъ на полтораста позднѣйшее (см. въ той же книгѣ Крумбахера стр. 204).

известнаго главнымъ образомъ своими исторіями о святыхъ, великаго логовета Константина Акрополита, сына историка Георгія Акрополита. Благочестивый и, очевидно, крайне корректный какъ въ жизни, такъ и въ литературной рѣчи своей человѣкъ не могъ одобрить ни заносчиваго юмора этого произведенія, ни его народнаго способа изложенія. Онъ выразилъ свое отрицательное мнѣніе объ Тимаріонѣ въ письмѣ къ другу, который ссудилъ его этой книгой: съ величайшей охотой онъ тотчасъ предалъ бы ее огню; только соображеніе, что книга чужая и дана ему на время, удержала его руку отъ аутодафе».

Соотвѣтственно этому, увеличена и библиографія Тимаріона, которая въ 1-мъ изд. заключала въ себѣ всего три имени; здѣсь прибавлено къ нимъ указаніе на статейку М. Трѣя (M. Treu) въ *Byz. Zeitschrift* за 1892 г. и на свѣдѣнія, которыя сообщаются въ § 90 о Константинѣ Акрополитѣ¹⁾.

Если же мы возьмемъ какой-нибудь параграфъ, болѣе или менѣе переработанный самимъ авторомъ, на основаніи новыхъ данныхъ (напр. § объ Романѣ Сладкопѣвцѣ, по 1-му изд. § 163, по 2-му — § 272), то мы увидимъ, что на 5—6 страницъ оказываются прибавленными сотни строкъ, и 5—6 библиографическихъ указаній превращены въ цѣлыя десятки ихъ. Но и въ этихъ многочисленныхъ случаяхъ авторъ держится того же метода, что и въ §§ малоизмѣненныхъ: онъ оставляетъ не тронутымъ все, что можетъ, изъ прежняго текста; это указываетъ, конечно, на то, какъ хорошо былъ обдуманъ и старательно составленъ этотъ текстъ.

Но, соотвѣтственно этому, мы, конечно, не имѣемъ права ожидать и того, чтобы текстъ 1-го изданія подвергся во 2-мъ фундаментальной переработкѣ и въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ иные изъ насъ и очень желали бы таковой. Такъ прежде всего, признавая безъ малѣйшихъ колебаній превосходный трудъ г. Крумбахера краеугольнымъ камнемъ огромной важности, или даже и твердымъ и прочнымъ основаніемъ будущей *исторіи византійской литературы*, мы не можемъ по совѣсти признать самую эту книгу такой исторіей уже прежде всего потому, что драгоценный матеріалъ, собранный и очищенный авторомъ, расположенъ въ ней по *родамъ* и *видамъ* прозы и поэзіи. При такомъ способѣ изложенія если при 3-мъ, 4-мъ и т. д. изданіи книга увеличится еще втрое и вполне удовлетворительно разрѣшитъ сотни частныхъ, но весьма важныхъ вопросовъ, все же названіе *Geschichte der byz. Litteratur* будетъ

1) Но сходное по формѣ и отчасти по значенію произведеніе: ἐπιδημικὴ Μάχη: ἐν Ἄβδου, которому въ 1-мъ изд. былъ посвященъ § 106, а во 2-мъ § 211 и которое въ промежуткѣ между двумя изданіями вызвало два небольшихъ изслѣдованія (Трѣя и Сп. Ламброса), теперь оказывается и изложеннымъ значительно полнѣе и разобранымъ несравненно обстоятельнѣе (такъ что параграфъ увеличился почти въ четверо), причѣмъ автору пришлось высказаться рѣшительно противъ одного изъ изслѣдователей, постояннаго и весьма виднаго сотрудника его же журнала *Byz. Zeitschrift*. См. стр. 492—495.

для нея слишкомъ смѣлымъ. Развѣ можетъ назваться исторіей русской литературы хотя бы и прекрасно обработанная и составленная книга, которая будетъ заключать въ себѣ рядъ изслѣдованій: о русскихъ лѣтописяхъ, о проповѣдяхъ, о житіяхъ святыхъ, о повѣстяхъ, объ азбуковникахъ, о космографіяхъ и т. д. и т. д.? Подъ исторіей литературы какого бы то ни было народа мы всегда разумѣемъ исторію его духовной жизни въ цѣломъ, изложеніе послѣдовательнаго развитія его мысли и чувства, въ которомъ позднѣйшее объясняется предъидущимъ и все вмѣстѣ представляетъ болѣе или менѣе полную и ясную картину, отдѣльныя части которой существуютъ не каждая для себя, а для стройнаго цѣлага. Представимъ себѣ подготовленнаго изученіемъ античной литературы молодого человѣка, который пожелаетъ познакомиться съ литературой византійской, возьметъ для этого единственное пригодное пособіе, книгу К. Крумбахера и внимательно прочтетъ ее отъ начала до конца по 2-му изданію. Что останется у него въ головѣ послѣ такого чтенія? Первые три §§ (введеніе) дадутъ ему рядъ цѣнныхъ и живыхъ идей; но такъ какъ, читая эти параграфы, онъ еще не знаетъ фактовъ, то идеи эти онъ долженъ усвоить, такъ сказать, съ чужого голоса, безъ провѣрки и закрѣпленія ихъ; историческій очеркъ проф. Гельцера дастъ ему общее понятіе о той почвѣ, на которой развивались интересующіе его литературные факты; каждый изъ крупнѣйшихъ фактовъ въ отдѣльности окажется изслѣдованнымъ, по нынѣшнимъ научнымъ средствамъ, очень хорошо; но связь ихъ другъ съ другомъ будетъ для него совсѣмъ темна, и ни одна даже важнѣйшая эпоха не представится для него съ особой фізіономіей: времена македонской династіи, Комниновъ, Палеологовъ — не все ли будетъ въ его глазахъ одинаково пестро или, если угодно, одинако сѣро? Тѣже трактаты, хронографы, церковныя пѣсни, компіляціи, учебники; таже полемика изъ за одинаково неважныхъ вопросовъ.

Чтобы каждая эпоха получила хоть болѣе или менѣе опредѣленный характеръ, чтобы ясно отличить византійца X вѣка отъ византійца XIV, онъ долженъ будетъ снова перечестъ книгу и распредѣлить сообщенные въ ней факты въ хронологической послѣдовательности, а на такую работу потребуется по крайней мѣрѣ втрое больше времени, нежели на самое ознакомленіе съ фактами; да и по малоопытности работника она, безъ сомнѣнія, будетъ слишкомъ далека отъ совершенства.

Изъ сказаннаго вовсе не слѣдуетъ, что мы желали бы увидѣть книгу г. Крумбахера во второмъ (или въ третьемъ и т. д.) изданіи переработанной по другой системѣ: расположеніе матеріала по родамъ и видамъ тоже имѣетъ свои выгоды и весьма значительныя, а главное: передѣлывать хорошее всегда опасно, и гораздо цѣлесообразнѣе употребить время на пополненіе и усовершенствованіе удачной книги по той же схемѣ, въ какой явилась она въ первый разъ. Но мы желали бы, чтобы самъ профессор Крумбахеръ, рядомъ съ своимъ обширнымъ и крайне необходимымъ для справокъ специалистамъ (подразумѣвая подъ послѣдними не

только самостоятельных научных работников въ этой области, но также и всѣхъ преподавателей высшихъ и даже, пожалуй, среднихъ учебныхъ заведеній, которымъ понадобится получить свѣдѣнія, напр., о томъ, какъ у византійцевъ развивалась историографія, или церковная пѣснь. каковы были первые сборники житій? существовалъ ли у нихъ животный эпосъ? и т. п.), составилъ небольшую, страницъ въ 250—300 (приблизительно въ размѣрѣ III тома Руд. Николаи, который озаглавленъ: *Die Literatur des byzantinischen oder mittelgriechischen Zeitraums*, Magdeb. 1878) книжку, которая, безъ всякаго ученаго аппарата, однимъ не портящимъ глазъ шрифтомъ, въ рядѣ живыхъ очерковъ (къ чему К. Крумбахеръ, безъ сомнѣнія, способнѣе едвали не всѣхъ серьезноученыхъ нѣмцевъ), изложила бы общій ходъ развитія византійской умственной жизни, отъ времени Юстиніана до паденія Константинополя, съ небольшою добавочной главой о характерѣ дѣятельности грековъ на западѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Вотъ такую книжку, безъ всякаго сомнѣнія, немедленно перевели бы и на англійскій, и на русскій, и на итальянскій и на всякій европейскій языкъ, имѣющіи ученую литературу; ее прочли бы сотни тысячъ людей, и она быстро и радикально измѣнила бы тотъ односторонній и невѣрный взглядъ, который со временъ Гиббона установился въ цивилизованномъ мірѣ на все византійское. А чтò едвали менѣе важно, такая книжка расширила бы умственный кругозоръ всѣхъ безъ исключенія работниковъ по исторіи частныхъ литературъ, показавъ, въ чемъ заключалась связь античнаго міра съ средневѣковымъ и новымъ. Да и родная автору нѣмецкая наука много выиграла бы отъ появленія такой книжки если не въ верхнихъ слояхъ своихъ, то, по крайней мѣрѣ, въ среднихъ и низшихъ, которыми также не слѣдуетъ пренебрегать, такъ какъ они даютъ новобранцевъ и для самыхъ верховъ. Едва ли нужно доказывать, что появленіе такого *Очерка* также мало помѣшаетъ распространенію большаго изданія Ивана фонъ Мюллера, какъ мало помѣшало распространенію *Histoire littéraire de France* небольшая книжка Гастона Париса: *La littérature française au Moyen Age* (XI—XIV s.). Всѣмъ извѣстно, что послѣдняя, напротивъ, пробудила серьезный интересъ къ среднимъ вѣкамъ въ такихъ кругахъ, которые до тѣхъ поръ и думать объ нихъ не хотѣли.

Что касается до непосредственныхъ потомковъ византійцевъ, «людей языка греческаго», то, благодаря разумной щедрости Г. Г. Маразли и усердію Георгія Сотиріадиса, они въ настоящую минуту, повидимому меньше нуждаются въ такомъ *Очеркѣ*, чѣмъ русскіе или англичане съ итальянцами; но мы сильно опасаемся, что *Ἱστορία τῆς βυζαντινῆς λογοτεχνίας* будетъ расходиться гораздо медленнѣе, нежели *Geschichte der byzantinischen Litteratur, zweite Auflage*, и увѣрены, что проектируемый нами *Очеркъ* замѣнилъ бы даровитую, но устарѣлую и уже слишкомъ *литературную* книжку Векелеса, которая объ литературѣ византійской не даетъ никакого представленія.

Что касается до лежащаго передъ нами трехтомнаго результата щедрости г. Маразли и трудолюбія г. Сотиріадиса, то съ вѣшной стороны онъ имѣеть то несомнѣнное преимущество передъ нѣмецкимъ оригиналомъ, что онъ никому глазъ не испортитъ, такъ какъ зловредный *петитъ*, которымъ въ книгѣ г. Крумбахера напечатана вся библіографія (а въ ней зачастую передается вкратцѣ и содержаніе поминаемыхъ работъ), т. е. едва ли не десятая часть книги, изъ греческаго изданія изгнанъ совершенно. Но что касается внутренняго достоинства, то переводъ г. Сотиріадиса есть только добросовѣстный и довольно аккуратный (хоть и не всегда выдерживающій *оттѣнки* мысли автора) переводъ и ничего больше. Мы не замѣтили (каемся: при довольно бѣгломъ просмотрѣ) ни одного дополненія, ни одного примѣчанія переводчика во всей исторіи византійской *литературы*, вплоть до *обзора историческихъ событій*, составленнаго, какъ выше сказано, проф. Гельцеромъ; при этомъ обзорѣ имѣется десятка полтора примѣчаній за подписью Е. М. нѣсколько полемическаго характера; но едва ли можно ихъ признать вкладомъ въ византиновѣдѣніе. Едва ли также можно одобрить г. переводчика за то, что онъ приводитъ въ библіографіи заглавія многихъ русскихъ статей и изслѣдованій по-нѣмецки, какъ цитируетъ ихъ авторъ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы не пестрить свою нѣмецкую книгу непонятными огромному большинству читателей словами. Правда, иногда г. Крумбахеръ забываетъ поставить въ скобкахъ (russ.), и тогда г. Сотиріадисъ могъ думать, что русскій авторъ писалъ по-нѣмецки; но гораздо чаще онъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ ставитъ и самъ въ скобкахъ (ῥωσσ.), а заглавіе все же приводитъ по-нѣмецки. Отчего онъ не переводитъ его на греческій, недоумѣваемъ.

Наша рецензія на 2-ое изданіе прекрасной книги проф. Крумбахера настолько запоздала, что мы считаемъ неудобнымъ прилагать къ ней замѣчанія и дополненія на отдѣльные параграфы: наиболѣе вѣскія и цѣнныя давно уже сдѣланы другими болѣе своевременно, а съ другой стороны по византиновѣдѣнію вышло именно въ послѣдніе два-три года столько цѣнныхъ работъ, что дополненія, сдѣланныя на основанія ихъ, растянули бы статью нашу на много десятковъ страницъ, едва ли теперь умѣстныхъ; при *третьемъ* изданіи нѣмецкаго текста (надѣемся: въ двухъ томахъ) самъ авторъ, безъ всякаго сомнѣнія, съ свойственной ему тактичностью воспользуется всѣмъ этимъ въ надлежащей мѣрѣ. Но мы не можемъ удержаться отъ одного дополненія, которое будетъ, конечно, пріятно автору, и отъ одного замѣчанія общаго характера.

На стр. 1140 г. Крумбахеръ говоритъ о каеэдрахъ византиновѣдѣнія и въ Россіи можетъ указать только приватъ-доцентствующаго въ Петербургѣ извѣстнаго знатока дѣла Г. Попадопуло-Керамевса. Теперь уже больше двухъ лѣтъ въ Одессѣ читаетъ въ качествѣ экстраординарнаго профессора средне- и новогреческую филологію столь же извѣстный С. Д. Пападимитріу; а съ нынѣшняго учебнаго года и въ Московскомъ универ-

ситетѣ нашелся спеціальный преподаватель византиновѣдѣнія въ лицѣ священника Н. Попова, автора очень хорошаго изслѣдованія: «Императоръ Левъ VI Мудрый» (М. 1892). Кромѣ того въ томъ-же Московскомъ университетѣ въ 1899 — 1900 г. былъ прочтенъ спеціальный курсъ по исторіи византійской литературы, который усердно посѣщался не столько студентами, сколько оставленными при университетѣ по кафедрѣ русской литературы кандидатами.

Наше общее замѣчаніе основано на довольно продолжительномъ опытѣ, который доказалъ намъ, что учащуюся молодежь, будущихъ спеціалистовъ по исторіи и по исторіи литературы, въ книгѣ г. Крумбахера болѣе всего привлекаетъ (что вполнѣ естественно) третій отдѣлъ ея, т. е. народная литература Византіи: она является для нихъ настоящимъ откровеніемъ, и въ ней находятъ они здоровыя сѣмена для тысячъ изслѣдованій по сравнительной литературѣ и исторіи культуры. Разъ уважаемый авторъ уже позволилъ себѣ выдти изъ скромныхъ рамокъ учебниковъ Ивана фонъ-Мюллера, было бы крайне желательно, чтобы онъ распространилъ именно этотъ отдѣлъ, и не столько въ количественномъ, сколько въ качественномъ отношеніи — болѣе подробнымъ изложеніемъ и выписками изъ такихъ памятниковъ, какъ, напр., *романъ о Велисаріи* (который въ 2-мъ изданіи книги нашелъ себѣ гораздо болѣе подходящее мѣсто, чѣмъ въ 1-мъ), постепенно слогавшійся отъ X вѣка до XV в. и даже XVI в. и представляющій, такимъ образомъ, литературный фактъ огромной важности, или, напр., такъ называемый *Дытскій рассказъ о четвероношкѣ* (§ 387), столь многое разъясняющій въ исторіи животнаго эпоса, и заключающій въ себѣ массу драгоценныхъ культурныхъ указаній, между прочимъ, по исторіи письма, живописи, медицины и пр. Экономія мѣстомъ, авторъ излагаетъ ходъ этой, напр., поэмы такъ кратко, что дѣйствія царя-льва оказываются совсѣмъ не мотивированными ¹⁾, и памятникъ лишается послѣдовательности и интереса. Въ этомъ важномъ отдѣлѣ тѣмъ менѣе, думаемъ мы, умѣстна такая экономія, что въ послѣднее время обѣ книжки Вильгельма Вагнера (равно, какъ и Аналекты Элиссена) становятся библиографической рѣдкостью, а такъ какъ, когда онѣ выходили въ свѣтъ, Византія внушала еще столь малый интересъ, что даже университетскія библіотеки не все запаслись ими, далеко не всякій желающій имѣть возможность пополнить исторію Византійской литературы К. Крумбахера собственнымъ трудомъ.

А. Киричниковъ.

---

1) Въ оригиналѣ левъ убѣждается по рѣчамъ животныхъ въ ихъ природной ненависти другъ къ другу.